

Красинский И.В., аспирант, Белорусский государственный университет (Беларусь)

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И ПРАКТИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА («ВЫВОДА») ШЛЯХЕТСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (КОНЕЦ XV – КОНЕЦ XVI ВВ.)

В статье прослеживается эволюция процедуры подтверждения шляхетского статуса («вывод шляхетства») в Великом княжестве Литовском от конца XV до конца XVI в. Показано, как «жалобная» практика позднесредневековых волостей, опиравшаяся на память рода и поручительства локальной элиты, трансформируется в устойчивую судебную-канцелярскую процедуру, встроенную в нормы Уставы 1507 г. и Статутов ВКЛ 1529/1566/1588 гг. На материале актовых книг, привилеев и поздних актований реконструируется реальная доказательная процедура: сочетание кровных свидетелей «по отцу» и «по матери», «вердикта сообщества» («люди добрые»), древних грамот и листов, выписок из «пописов» и аттестаций должностных лиц; фиксируются роли присяги, гербового ввода и единичных иностранных аттестаций. Выявлено доминирование поводов, связанных с навязыванием «простых» повинностей и переводом в путную/подводную службу (в том числе в связи с волочной померой), а также устойчивый блок дел о «нагане шляхетства» и кейсы реабилитации после утраты актов. Аргументируется переход во второй половине XVI в. к механизму «отрицательного доказательства» (проверка «в книгах» как довод в пользу статуса). Делается вывод о корпоративизации сословия и формировании «минимального комплекта» доказательств как прикладного стандарта практики. Намечена программа дальнейших исследований: продление хронологии на XVII–XVIII вв., сопоставление литовской и коронной практик, конфессионально-этнический срез и анализ риторики чести.

Ключевые слова: вывод шляхетства; Великое княжество Литовское; шляхта; доказательства шляхетства; волочная помера; нагана шляхетства; социальная история; история Беларуси; история Литвы; история ВКЛ.
DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-51-61

Введение. Во второй половине XV – конце XVI в. в Великом княжестве Литовском складывается и последовательно институционализируется процедура подтверждения шляхетского статуса – «вывод шляхетства». Её возникновение было обусловлено размыванием сословных границ в условиях ускоренной социальной мобильности и ростом имущественных коллизий, при разрешении которых правоспособность по праву шляхетства имела решающее значение. «Устава о выводе шляхетства за примовою» 1507 г. [9], а затем нормы Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. [21] установили порядок доказательства, включавший письменные титулы, свидетельства кровных родственников и «людей добрых» из местной шляхты, а также практики присяги и гербового ввода.

Исследовательская традиция, восходящая к М. К. Любавскому [15], И. Даниловичу [9], В. Семковичу [24], И. И. Лаппо [10] и Ф. И. Леонтовичу [11], надёжно очертила нормативное поле шляхетских свобод, компетенции земских и гродских судов, механизмы

корпоративной саморегуляции. Существенные наблюдения о доказательной стороне судебной практики предложены М. М. Улащичком [22] и А. И. Мальдзисом [16]; региональные своды А. Рахубы [23], публикации по Метрике ВКЛ [12; 13; 14; 18; 19; 20], энциклопедические и биографические статьи (А. Мацук) и разыскания по «нагане шляхетства» и сеймиковым процедурам (А. Винниченко [5], Е. С. Глинский [7; 8]) позволили уточнить источниковедческую базу. Вместе с тем эволюция собственно форм и практик «вывода» в XV–XVI вв., соотношение предписаний Статутов ВКЛ с реальными доказательствами и повседневной процедурой, а также частотность мотивов обращения остаются без внимания исследователей.

Настоящее исследование направлено на сопоставление нормативных предписаний со свидетельствами актовых книг [12; 13; 14; 18; 19; 20] и поздних актований [1; 2; 3; 4], то есть на реконструкцию фактической доказательной матрицы «вывода шляхетства» в XVI

веке – от ранних фиксации в Метрике до решений канцелярии Стефана Батория. Эмпирической основой служит свод из 63 дел XV–XVI вв., в котором прослеживаются поводы к инициированию процедуры, набор реально используемых доказательств и судебные исходы. На этом материале выявляется доминирование сюжетов, связанных с навязыванием «простых» повинностей и переводом в путную/подводную службу (в том числе по результатам волочной померы [15]), устойчивый пласт дел об оскорблении чести («нагана шляхецтва» [7]), а также практики «восстановления прав» после утраты актов и случаи гербового ввода и пожалования [6].

Цель работы – показать эволюцию «вывода шляхетства» в ВКЛ XV–конца XVI вв. через сопоставление статутных норм с реальной практикой и определить его социально-правовые функции в конфликтах собственности и чести. Исследование отвечает на следующие вопросы:

- какие мотивы инициировали «вывод» в XV и XVI вв. и как они коррелируют с фискально-административными реформами (прежде всего, волочной померой);

- как распределялись и сочетались ключевые виды доказательств – жалованные грамоты и листы, свидетельства кровных и «людей добрых», присяга, выписки из реестров, аттестации должностных лиц, гербовый ввод;

- каковы были реальные исходы разбирательств (доля подтверждений и отказов) и какие конфигурации доказательств чаще приводили к признанию шляхетства;

- какую роль «вывод шляхетства» играл в поддержании корпоративного порядка шляхты и в защите имущественных притязаний.

Объекты и методы исследования.

Объект исследования – историческая практика «вывода шляхетства» в Великом княжестве Литовском в конце XV – конце XVI вв. как социальный институт, обеспечивавший распределение прав и обязанностей внутри шляхетского сообщества и фиксирующий в актовых текстах.

Предмет исследования – формы и повседневные приёмы доказательства шляхетства, их динамика и разновидности; поводы к инициированию «вывода»; состав и иерархия использованных доказательств; роль поветового социума

и должностных лиц в легитимации статуса; канцелярские формулы фиксации исходов.

Источниковая база и корпус наблюдений. В работу включены 63 сюжета с установленным исходом (XV в. – 6, XVI в. – 57), извлечённые из Метрики ВКЛ (книги судебных дел, земские и гродские книги) [12; 13; 14; 18; 19; 20], великокняжеских привилеев и жалованных листов (Казимира, Александра, Сигизмунда Старого, Сигизмунда Августа, Стефана Батория) [9], статутных норм (Устава 1507 г.; Статуты 1529, 1566, 1588 гг.) [9; 21], а также поздних актов XVII–XVIII вв., сохраняющих тексты первичных решений [1; 2; 3; 4]. Единицей учёта служит «дело/эпизод», в котором прямо заявлен «вывод/очищение шляхетства», либо этот смысл вытекает из фабулы: требование поставить свидетелей «по отцу и по матери», предъявление «древних грамот», апелляция к «людям добрым», проверка по книгам описей («пописы»), гербовый ввод, натурализация.

Хронологические и пространственные пределы – 1494–1598 гг. Конец 1490-х – первая полоса сплошной фиксации «вывода» в книгах канцелярии: в середине десятилетия появляются жалобы радунских, ейшишских и жемайтских «бояр-шляхты» с апелляцией к «старым листам» и поиском «в старых книгах» [13, с. 135; 145–146; 141–142]. Нижняя граница (1494) привязана к началу «александровского» канцелярского цикла и фиксирует доузаконенную «жалобную» фазу, из которой вырастает процедурный «вывод» [13]. Верхняя граница (1598) удерживает зрелое действие Статута 1588 г. [21] и предшествует сдвигу начала XVII в., когда усиливается обязательная документальность и меняется язык сеймовых подтверждений [11]; включение 1600-х исказило бы нормативный фон рассматриваемой практики.

География: главным образом территория нынешней Беларуси и Литвы (Трокский, Виленский, Гродненский, Слонимский, Браславский, Волковысский, Витебский, Пинский поветы; волости Жемайтии – Россиены, Тельшай, Шавляй, Паланга; Завилейский округ). Сопоставляются старые центры и приграничные зоны, наиболее чувствительные к волочной помере и переводам земян в «тягло».

Терминологический аппарат работы основан на оперировании следующими понятиями:

1. Вывод шляхетства – формализованное подтверждение принадлежности к шляхте по «Уставу» 1507 г. и Статутам ВКЛ.

2. Очищение / примова / нагана – триада поводов и ответов: сомнение (примова/нагана) порождает судебное «очищение»; отказ клеветника от слов влечёт санкции.

3. Кровные свидетели – родичи «по отцу» и «по матери» как «скелет» вывода; при вымершей линии заменяются иными средствами.

4. Люди добрые (вердикт сообщества) – местная шляхта/земляне (в т. ч. хорунжий, возный) как коллективное поручительство репутации и давности службы.

5. Жалованный лист / привилей – документ от великого князя (или ранние листы державцев), подтверждающий вольности, землю, службу.

6. Служебный лист – удостоверение воеводы, старосты, наместника, державца о виде службы и статусе; мост между частной жалобой и властной санкцией.

7. Гербовый ввод и натурализация – включение «в клейнот» и признание иноземцев при службе и поручительствах.

8. Присяга / «сознание» – sacramентальное закрепление показаний стороны и свидетелей.

9. Книга / описи / реестр – городские/земские книги, списки хоругвей, инвентари тяглых; выписки как приложения; отрицательное доказательство: отсутствие в тяглых сословиях и/или наличие в описях конной службы трактуется в пользу статуса.

10. Волочная помера – землеустроительная реформа середины XVI в. в ВКЛ, сводившая угоды в стандартизированные «волоки» и закреплявшая за ними чёткие повинности и вид службы, что остро обнажило границы статуса и нередко запускаяло «вывод шляхетства».

11. Актование и вальные подтверждения – позднейшая легализация текста в книгах XVII–XVIII вв. и финальная санкция статуса.

Исследование опирается на стандартный инструментарий историка: внешнюю и внутреннюю критику акта (должности, датировки, канцелярские формулы, отсев поздних переписок и подложных атрибуций), сравнительно-контекстный анализ по поветам и волостям, просопографию и генеалогическую реконструкцию (разведение «кровных» и

«людей добрых», фиксирование гербов, служб и участия в «пописах»), а также «прочтение от свидетеля» для учёта интересов и клиентел. Итоги сводятся количественно-содержательным анализом с визуализацией по исходам, поводам и видам доказательств (Рис. 1; Табл. 1–2).

Право рассматривается как контекст практик: нормы Устава 1507 г. и Статутов 1529, 1566 и 1588 гг. – историческое обрамление повседневной процедуры [9; 21]. Используются подходы Ф. И. Леонтовича к правоспособности шляхты [11], наблюдения М. К. Любавского о социальных переплетениях [15] и характеристика судов у И. И. Лаппо [10]; для механизмов статуса и клиентелизма – А. И. Мальдзис и А. Рахуба [16; 23], для «наганы шляхецтва» – Е. С. Глинский [7], для сеймиковых подтверждений – А. А. Винниченко [5], для источниковедческой критики – М. М. Улащик [22], справочный массив – А. Мацук [17]. Исходы кодируются бинарно; сводные данные – в Табл. 1–2 (доли округлены). Учитываются ограничения: смещение в пользу успешных подтверждений, усиление ретроспективности из-за поздних актований, особенно по XV в. [1; 2; 3], и неравномерная региональная представленность; эти факторы оговариваются при сопоставлении с историографией.

Результаты и их обсуждение. Представленный корпус из 63 дел XV–конца XVI вв. (XV в. – 6; XVI в. – 57) позволяет реконструировать не только стандарт «вывода шляхетства», но и его внутреннюю динамику: от локальных защищающих практик пограничных волостей к устойчивой процедуре, опирающейся на нормы Устава 1507 г. и Статутов 1529/1566/1588 гг. [9; 21]. Итоги количественного анализа и разбор характерных эпизодов подтверждают исходную установку исследования: «вывод» выступал одновременно правовым механизмом защиты статуса и инструментом социальной самоорганизации шляхетской общины, а его доказательный минимум складывался из сочетания родового свидетельства («кровные» по отцу и матери) и «вердикта сообщества» («люди добрые»), при обязательной фиксации через акты великокняжеской канцелярии либо аттестации должностных лиц.

Таблица 1.

Поводы к «выводу шляхетства» (по доминирующему мотиву)

Категория повода	XV в.	XVI в.	Итого	Доля
Принуждение к тяглу/путной службе/чиншу¹ <i>в т.ч. конфликты на почве волочной померы</i>	4	36	40	63,5%
Земельные и наследственно-имущественные споры (раздел вотчин, восстановление долей)	–	5	5	7,9%
«Нагана шляхецтва» и оскорбление чести (устное/публичное сомнение в родовитости)	1	8	9	14,3%
Дарование/гербовый ввод/натурализация (ввод в герб, пожалование шляхетства за службу, натурализация чужеземца)	–	5	5	7,9%
Реабилитация после утраты актов (пожары, утраченные листы; «восстановление прав»)	1	2	3	4,8%
Иное/неуточнённое	–	1	1	1,6%
ИТОГО	6	57	63	100,0%

Сводная картина мотивов обращений представлена в Табл. 1. Наиболее частотная причина – попытка перевести землян в сословие тяглых/подводных/путных либо навязать чины и поседей (40 из 63, 63,5 %). Эта линия тянется от ранних жалоб радунских, ейшишских и жемайтских бояр 1496 г. [13, с. 135, 145–146, 141–142] к многочисленным делам середины XVI в. и обостряется в связи с волочной померой [15].

Земельные и наследственно-имущественные споры (7,9 %) и «нагана шляхецтва» как оскорбление чести (14,3 %) образуют вторую и третью по значению группы [7]. Сравнимые по удельному весу идут дарования/гербовый ввод/натурализация (7,9 %) [1, с. 108–109], реабилитация после утраты актов (4,8 %) [1, с. 374–375], наконец, единичные «иные» случаи (1,6 %).

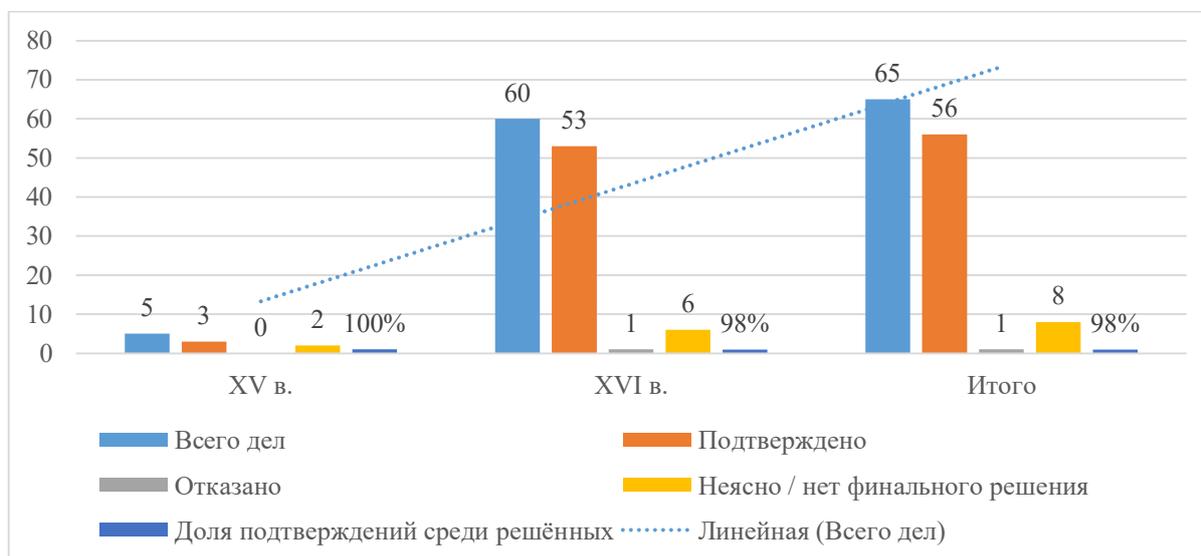

Рис. 1 Систематизация дел о выводе шляхетства (доля подтверждений)

По исходам массив демонстрирует выраженное преобладание успешных подтверждений. На Рис. 1 показана доля подтверждений в общей совокупности эпизодов; в нашем

наборе она составила $\approx 90,5$ %, отказы и незавершения – $\approx 9,5$ %. Высокая доля позитивных решений объясняется несколькими обстоя-

¹ В эту строку сведены дела о навязывании «простых» повинностей (толока, дякло), переводе из земской/конной в путную/подводную службу, а также споры, инициированные по итогам волочной померы (перемер земель, включение в «волоки», попытки перевести землян в тягло).

тельствами: 1) практикой обжалования «неправил» на ранних стадиях, когда заявители сами приходили с сильным доказательным комплектом; 2) селекцией источников (отрицательные решения и «срывы» процедуры хуже фиксировались); 3) опорой на локальные сети взаимного поручительства, хорошо описанные М. К. Любавским [15] и прослеживаемые в актах через повторяемость фамилий свидетелей и должностей (наместники, хорунжие, возные) [12; 13; 18; 19; 20]. Из методологических оговорок (см. ниже) вытекает осторожность при переносе этих долей на «все» практики вывода; тем не менее, в пределах изученного массива соотношение устойчиво.

Свод из 63 эпизодов позволяет рассматривать «вывод шляхетства» как процедуру, удерживающую одновременно имущественный порядок (земля и повинности), служебный порядок (вид и «правильность» службы) и порядок чести (публичная репутация рода). Количественно это выражается в высокой доле успешных подтверждений (Рис. 1), качественно – в доминировании конфликтов вокруг навязывания «простых» повинностей и перевода в путную/подводную службу (Табл. 1). Так устроена сама логика механизма: он создан не для исключения из сословия, а для восстановления нарушенной нормы.

Рассмотрим поводы к возникновению

необходимости доказательства родовитого происхождения (табл. 2). Самая вместительная группа – навязывание тягла, путной/подводной службы и чинша (63,5 %). Эти сюжеты хорошо считаются от конца XV в. до последней трети XVI в. Уже ранние жалобы радунских [13, с. 135], ейшишских [13, с. 145–146] и жемайтских [13, с. 141–142] «бояр-шляхты» 1496 г. показывают, как требование платить дякло и «ходить у поле» воспринималось как покушение на сам статус: в ответ заявители достают старые листы державцев, ссылаются на освобождение «ещё при Витовте» и фиксируют отсутствие в тяглых списках (эпизод ейшишских семей от 24 июля 1496 г.). В середине XVI в. эта логика соединяется с волочной померой: на Гродненщине у Юхновичей (1560 г.) в Лысковской волости землю «взяли на валоки» без «отмены», и спор тут же переходит в плоскость статуса; заявители предъявляют лист витебского воеводы Матея Войцеховича Яновича, зовут соседей-землян, а суд проверяет «в книгах» – и именно отсутствие в списках тяглых становится решающим аргументом [19, с. 92–94]. Аналогичная цепочка «повинность – статус – книга» повторяется в делах волостей Жемайтии 1540-х гг. (Карклянская [1, с. 110], Вешвянская [1, с. 99–100], Паланговская [1, с. 108–109]), где тиуны и старосты быстро переводят землян в податные категории, а заявители отвечают массой местных поручительств и ссылками на давность службы.

Таблица 2

Виды доказательств, реально использованные в делах¹

Вид доказательств	Кол-во	Доля
Древние грамоты и жалованные листы великих князей (Витовт, Казимир, Александр, Сигизмунд Старый, Сигизмунд Август, Стефан Баторий)	≈32	≈51%
Свидетельства «людей добрых» – местной шляхты и землян (не кровные, хорунжие, возные, соседи-земляне)	≈28	≈44%
Аттестации должностных лиц (старосты, воеводы, наместники, «пан трокский/жемайтский», листы)	≈24	≈38%
Свидетельства кровных родственников по отцовской и материнской линиям (разд. 3, арт. 11 Статута; родичи «по отцу» и «по матери»)	≈22	≈35%
Королевские/вальные подтверждения статуса (паны-рада, вальный сейм; в т.ч. «вернуть права», «утвердить»)	≈12	≈19%
Выписки из «пописов»/реестров/книг (проверка «в книгах», отсутствие в инвентарях тяглых, списки хоругвей)	≈12	≈19%
Присяга (сакраментальная форма подтверждения)	≈6	≈10%
Гербовый ввод/усыновление в герб (напр., «Леў з муру», «Рэнэва»)	4	≈6%

¹ Применён многократный учёт, так как одно дело могло опираться сразу на несколько средств доказательства. Доли рассчитаны от общего числа дел (63). Сумма долей превышает 100% из-за возможности использования нескольких доказательств в одном деле

Отрицательное доказательство (поиск имени в старых книгах; отсутствие в сословиях тяглых)	≈3	≈5%
Иностранная/посольская аттестация (татарская шляхта: засвидетельствование послом Перекопского царя)	1	≈1–2%
Всего фиксаций по видам доказательств	>140	

Сомнение в родовитости (14,3 %) заводит спор в поле чести. Здесь язык процессуальных формул работает как фильтр: либо клеветник идёт в «вывод» по Статуту ВКЛ 1566 г. (разд. 3, арт. 11) [21], либо публично отказывается от своих слов. В истории Фёдора Евлашовского и Степана Пацкевича (1579 г.) истец принёс выписки из новгородского городского суда и поставил кровных свидетелей «по отцу» и «по матери»; ответчик сослался на норму об отказе от слова и уклонился – на нём остался штраф [20, с. 335–337]. Это показательный случай, как процедура «снимает» пустую «нагану» и не перегружает суд выводом, если оппонент не готов подтверждать сказанное.

Имущественные разделы редко идут без статуса: характерен спор Андрея Гневинского о долях в Бобрах и Биснянах, где признание шляхетства вернуло стороны к компромиссу [20, с. 152–157]. Небольшой пласт связан с дарованиями, гербовыми адопциями и натурализациями: ейшишские Балтрамеевичи (1551) и полоцкие Василь Миткович с Волком Гридковичем подтверждали статус через ввод «у клейнот» [1, с. 108–109]; жемайтский Самбор (1592) опёрся на древние листы Витовта (1415) и Александра (1491) [4, с. 239–241].

Реабилитации после утраты актов фиксируются преимущественно в конце XVI в.: Свенцяньские Стасевичи (1579) восстановили права на основе поручительств и локальных аттестаций [1, с. 374–375]. Ключевым доказательством оставались кровные свидетели и «память рода»: в деле Довборовичей (1562) показания по обеим линиям были «сшиты» с пописом 1534 г. [18, с. 24–26]. При отсутствии родичей действовал «голос повета»: радунские Круповичи допускали подтверждение одним-двумя достойными шляхтичами [1, с. 220–225], а хорунжий и соседи уточняли службу и «давность» владения (кейс Якуба Станислава Войшко) [14, с. 132–133].

Ряд шляхтичей обращались к древним книгам, в которых содержалась информация

об их причастности к службе в войске. Древние грамоты и жалованные листы (≈ 51 %), как правило, читаются в связке с выписками (≈ 19 %) и «служебными» письмами державцев и старост (≈ 38 %). Когда браславские Рубиничи (1580 г.) жалуются на попытку их «зробіць простымі людзьмі», староста Федор Скумин проверяет реестры и, не находя их среди тяглых, подтверждает шляхетство – это чистое «отрицательное доказательство», уже проверенное ещё в 1496 г. в Ейшишках [1, с. 377–379; 13, с. 145–146]. А в истории 1528 г. Павел Юрьевич и братья добиваются привилегия на исключительно конную службу именно после опроса хорунжего и «других бояр», то есть после стыковки «памяти службы» с институциональным знанием книги [12, с. 209–210].

Королевские и вальные подтверждения (≈19 %) закрепляют результат и тем самым обеспечивают его правовую воспроизводимость. Присяга (≈10 %) – как в менском деле 1582 г. с Себастьяном Станиславовичем – служит дополнительной верификацией уже собранного доказательного комплекса [3, с. 77]; гербовый ввод (≈6 %) оформляет включение в гербовое сообщество. Иностранная аттестация фиксируется единично, но показательно: копия 1595 г. к «выводу» 1557 г. по татарской шляхте Виленского повета содержит засвидетельствование рода Карачи Кипчака послом Перекопского царя Асламом Кгиреевым Кандюком; в сочетании с внутренними доказательствами этого оказалось достаточно для признания статуса [2, с. 229–230].

Таким образом, заметно, что во второй половине XVI в. письменные записи в книгах стали основной опорой сословной обороны [18; 19; 20]. Из этого вырастает техника «отрицательного доказательства»: отсутствие в тяглых инвентарях становится положительным доводом в пользу шляхетства; наличие в описях конной службы – добавочным аргументом «правильной» повинности [1, с. 377–379; 13, с. 145–146]. Потому в «волочных»

конфликтах (Юхновичи, 1560 г.; длинная радунская линия Круповичей) справедливое решение почти всегда опирается на записи в описях [19, с. 92–94; 1, с. 220–225].

Если в конце XV в. преобладают жалобы «по совести» и запись воспринимается как дополнительная справка [13, с. 135; 141–146], то в первой половине XVI в. закрепляется практика подтверждений через обращение к местной администрации и проверке наличия великокняжеских грамот [12, с. 209–210; 21]. В последней трети XVI в. добавляется язык чести и риторика публичной «наганы», что связано с развитием как самой процедуры, так и понимания выгод того или иного исхода участвующими сторонами [7]. С одной стороны, оскорбленный шляхтич мог подтвердить свое шляхетство, тем самым процедура фиксировала его статус документально, что в последующем могли использовать его наследники. С другой стороны, отсутствие любых доказательств шляхетства часто использовать в корыстных целях: одни шляхтичи заявляли о «крестьянском происхождении» других шляхтичей, которые в итоге не могли подтвердить свое происхождение и теряли статус, землю и прочую собственность в пользу оскорбителя.

Глядя на проанализированный комплекс документов, нельзя не заметить соотношение дел, исход которых был положительным для оскорбленных шляхтичей. Это объясняется, во-первых, архивной селекцией: сохраняются прежде всего результаты, которыми пользуются потомки. Потому положительные решения чаще переписывались (актование XVII–XVIII вв.) [1; 3] и переживали неблагоприятные обстоятельства; отрицательные и незавершённые выводы – редки, к тому же записывать то, чем никто не воспользуется – нерационально даже с точки зрения траты такого ресурса для письма. Во-вторых, корпоративная рациональность предполагает, что повет заинтересован в сохранении «своих». Оттого заявители несут «максимум» подтверждений – родичи, люди добрые, листы, выписки, и спор чаще «закрывается» подтверждением. В-третьих, региональная неравномерность: Жемайтия и западные поветы документированы гуще; восточные территории дают меньше наблюдений, искажая общее соотношение исходов.

Повторяемость «людей добрых» и должностных лиц в пределах одних волостей позволяет выстраивать «кольца поручительства» – на этом основании реконструируются локальные корпорации шляхты [23]. Совмещение «памяти» с описями и «служебными» листами даёт рабочий инструмент проверки поздних генеалогий, особенно когда опора – актованные копии [6; 1; 3; 18]. Картина поводов узлов по волочной помере помогает локализовать и датировать напряжение статусов. Минимальный комплект (кровные по обеим линиям + люди добрые + древний лист/выписка) служит формуляром для первичного описания новых находок в архивах, не смешивая «вывод» с дарованием или гербовым вводом.

Заключение (выводы). В ВКЛ «вывод шляхетства» прошёл путь от локальной жалобной практики, опиравшейся на память рода, поручительства «людей добрых» и аргумент «нет у тяглых», к устойчивой судебно-канцелярской процедуре с «минимальным комплектом» доказательств (кровные по обеим линиям, общинное поручительство, древний лист, выписки и подтверждения канцелярии), а в последней трети XVI в. – с обязательным преобладанием письменных свидетельств. На этом фоне оформляется корпоративизация сословия: «вердикт сообщества» функционирует как фильтр при попытках перевода в «простые» разряды или лишения прав на землю и службу. Волочная помера переводит споры о повинностях в споры о статусе и закрепляет язык актов и реестров. Ключевым институтом становятся суды, через которые шляхта осваивает и стандартизирует практики доказательства происхождения.

Вклад автора состоит в реконструкции реальной доказательной матрицы «вывода шляхетства» и описании её прикладных правил как действующего социального института. Показано, как в «пакете доказательств» сочетаются родовые свидетельства («по отцу» и «по матери»), вердикт сообщества (коллективные поручительства местной шляхты) и документальные опоры (древние листы, выписки, служебные аттестации). Описан стандартный минимум и его устойчивые вариации (присяга, подтверждения должностных лиц, гербовый ввод), зафиксирован

переход к механизму отрицательного доказательства (книжная проверка и фиксируемое отсутствие в тяглых реестрах). Новизна: «вывод шляхетства» впервые показан целостно как социальный институт с собственными практиками и риторикой.

Дальнейшая программа включает: (1) продление наблюдений на XVII–XVIII вв. – после закрепления обязательного обращения к документам – с проверкой, как меняется композиция доказательств и доля успешных исходов; (2) сопоставление литовской и коронной практик «доказу шляхетства» для выделения общих формул и локальных различий (роль

воеводских судов, вес гербовых вводов, книжные проверки); (3) конфессионально-этнический срез, включая татарскую шляхту и натурализации, с фиксацией специфики пакетов доказательств; (4) системное чтение «языка чести» и процессуальных формул как инструмента управления конфликтом (какие речевые и канцелярские конструкции переводят спор из статуса в имущество и обратно). Подобный переход от описания норм к анализу реально применённых средств подтверждения расширяет источниковедческий инструментарий и углубляет понимание социального механизма шляхетского порядка.

Список литературы

1. Акты Виленской археографической комиссии: Том XXIV. Акты о боярах. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1897. 590 с.
2. Акты Виленской археографической комиссии: Том XXXI. Акты о литовских татарах. Вильна: Тип. «Русский Почин», 1906. 628 с.
3. Акты Виленской археографической комиссии: Том XXXVI. Акты Минского гродского суда. Вильна: Эл.-Тип. «Русский Почин», 1912. 501 с.
4. Архив Юго-Западной России: Часть 1. Том I. Киев: Университетская типография, 1859. 640 с.
5. Вінниченко О.О. Боснійські шляхтичі та доведення ними шляхетства на сеймику Подільського воєводства 1738 р. (До питання про замкненість шляхетського стану в Речі Посполитій) // Генеалогічні записки. 2014. Вип. 12. С. 49–64.
6. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 8, ч. 1. К (Каборды – Карэцкія) / Я.С. Глінскі [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. Мінск: Беларусь, 2022. 927 с.
7. Глінскі Я.С. Працэс аб «нагане шляхецтва» ад 1562 г. і паходжанне зямянскага роду Браневічаў-Бранавіцкіх // Архіварыус. 2019. Вып. 17. С. 39–57.
8. Глінскі Я.С. Вывады шляхецтва зямямі Слуцкага і Капыльскага княстваў у XVII–XVIII стст.: інтэрпрэтацыя і верыфікацыя звестак // Матэрыялы VII Міжнар. навук.-практ. канф., Віцебск, 27–29 крас. 2023 г.: у 2 т. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.М. Дулаў, М.Ф. Румянцава (адк. рэд.) [і інш.]. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2023. Т. 1. С. 229–231.
9. Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Tom II. Wilno: W drukarni A.H. Kirkora, 1862. 370 s.
10. Лаппо И.И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 51–113.
11. Леонтович Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 6. С. 192–264; 1908. № 3. С. 53–87; № 5. С. 136–167; № 6. С. 245–298; № 7. С. 1–56; № 8. С. 49–56; 1909. № 2. С. 225–269; № 3. С. 44–88.
12. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529): Užrašymų knyga 14 / Parengė D. Antanavičius, L. Karalius. Vilnius: LII leidykla, 2008. 642 с.
13. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506): Užrašymų knyga 6. Vilnius: LII leidykla, 2007. 515 с.
14. Lietuvos metrika (1554–1568). 35-oji Teismų bylų knyga / S. Viskantaitė-Saviščeviene, I. Valikonytė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018. 798 с.
15. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. Москва: Московская художественная печатня, 1915. 401 с.

16. Мальдзіс А.І. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: ээ; Восень пасярод вясы: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў. Мінск: Маст. літ., 2009. 477 с.
17. Мацук А.У. Павятовыя соймакі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы панавання Аўгуста III (1736–1763 гг.) // Вялікае Княства Літоўскае: сучасныя беларускія даследаванні / пад рэд. А. Грушы; Еўрап. гуманітар. ун-т. Вільнюс, 2024. С. 141–174.
18. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566) / Падрыхт. А.І. Груша. Мінск: Арты-Фэкс, 2001. 229 с.
19. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 42 (1556–1562 гг.): Кніга запісаў № 42 (копія канца XVI ст.) / Падрыхт. В.С. Мянжынскі. Мінск: Беларуская навука, 2015. 190 с.
20. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 272 (1576–1579): кніга судовых спраў № 58 (копія канца XVI ст.). Мінск: Беларуская навука, 2015. 436 с.
21. Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2010. С. 436–689.
22. Улашчык М.М. Мемуары і дзённікі як крыніцы гісторыі Беларусі: з рукапіснай спадчыны. Мінск, 2000. 86 с.
23. Rachuba A. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, t. VIII, Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2020. 405 s.
24. Semkowicz W. W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego [Электронный ресурс] // Kwartalnik Historyczny. 1915. Т. XXIX, № 1/4. S. 224–256. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/gensem/semkowicz_w_w_sprawie_pocz%C4%85tk%C3%B3w_szlachty_na_litwie_i_jej_ustroju_rodowego.html (дата обращения: 09.06.2025).

EVOLUTION OF FORMS AND PRACTICES OF PROOF («INFERENCE») OF NOBILITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (LATE XV – LATE XVI CENTURIES)

The article traces the evolution of the procedure for confirming noble status («vyvod shlyakhetstva») in the Grand Duchy of Lithuania from the late 15th to the late 16th century. It demonstrates how the «complaint-based» practices of late medieval localities, relying on family memory and endorsements of the local elite, were gradually transformed into a stable judicial–chancellery procedure embedded in the norms of the 1507 «Ustava» and the Statutes of Lithuania of 1529, 1566, and 1588. Based on court books, privileges, and later confirmations, the study reconstructs the actual evidentiary procedure: a combination of kin witnesses «by the father» and «by the mother,» the «verdict of the community» («good people»), ancient charters and letters, extracts from registers, and attestations by officials; it also identifies the roles of oaths, heraldic adoption, and occasional foreign attestations. The analysis reveals the dominance of cases related to the imposition of «common» obligations and transfer into corvée or transport service (including in the context of the Volok reform), alongside a steady block of cases concerning «slander of nobility» and the rehabilitation of rights after the loss of documents. The study argues that by the second half of the 16th century a mechanism of «negative proof» emerged (verification «in the books» as evidence in favor of status). The article concludes with the observation of corporate consolidation of the estate and the formation of a «minimum package» of proofs as a practical standard of the procedure. A research agenda is outlined: extension of observations into the 17th–18th centuries, comparison with the Crown’s practices, a confessional–ethnic perspective (including Tatar nobility and naturalizations), and systematic analysis of the rhetoric of honor and procedural formulas.

Keywords: proof of nobility; Grand Duchy of Lithuania; nobility; evidence of nobility; Volok reform; slander of nobility; social history; history of Belarus; history of Lithuania; GDL history.

References

1. Akty Vilenskoj arkheograficheskoj komissii: Tom XXIV. Akty o boiarakh [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission: Vol. XXIV. Acts concerning boyars]. Vil’na: Tip. A.G. Syrkina, 1897. 590 s.
2. Akty Vilenskoj arkheograficheskoj komissii: Tom XXXI. Akty o litovskikh tatarakh [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission: Vol. XXXI. Acts on Lithuanian Tatars]. Vil’na: Tip. “Russkii Pochin”, 1906. 628 s.

3. Akty Vilenskoï arkheograficheskoi komissii: Tom XXXVI. Akty Minskogo grodskogo suda [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission: Vol. XXXVI. Acts of the Minsk Castle Court]. Vil'na: El.-Tip. "Russkii Pochin", 1912. 501 s.
4. Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii: Chast' 1. Tom I [Archive of South-Western Russia: Part 1, Vol. I]. Kiev: Universitetskaia tipografiia, 1859. 640 s.
5. Vinnichenko O.O. (2014) Bosniis'ki shliakhtychi ta dovedennia nymy shliakhetstva na seimyku Podil's'koho voievodstva 1738 r. (Do pytannia pro zamknenist' shliakhets'koho stanu v Rechi Pospolytii) [Bosnian nobles and their proof of nobility at the Podolian Voivodeship sejmik in 1738 (On the closed nature of the noble estate in the Commonwealth)] // *Henealohichni zapysky*. 2014. Vyp. 12. S. 49–64.
6. Herbounik belaruskai shlyakhty. T. 8, ch. 1. K (Kabordy – Karetskiia) [Armorial of the Belarusian Nobility. Vol. 8, part 1. K (Kabordy – Karetskiya)] / Ya.S. Hlinski [i insh.]; navuk. red. A. Rakhuba. Minsk: Belarus', 2022. 927 s.
7. Hlinski Ya.S. (2019) Pratses ab «nahane shlyakhetstva» ad 1562 g. i pokhodzhannie ziamianskaha rodu Branevichau-Branavitskikh [The 1562 case of "slander of nobility" and the origin of the Branewicz–Branawicki petty-gentry line] // *Arkhivariius*. 2019. Vyp. 17. S. 39–57.
8. Hlinski Ya.S. (2023) Vyvady shlyakhetstva ziamianami Slutskaha i Kapyl'skaha kniastvau u XVII–XVIII stst.: interpretatsyia i veryfikatsyia zvestak [Proofs of nobility by the petty gentry of the Slutsk and Kapyl' principalities in the 17th–18th centuries: interpretation and verification of data] // *Materyialy VII Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Vitsebsk, 27–29 kras. 2023 g.: u 2 t. / Vitseb. dziarzh. un-t; redkal.: A.M. Dulau, M.F. Rumiantsava (adk. red.) [i insh.]. Vitsebsk: VDU imia P.M. Masherava, 2023. T. 1. S. 229–231.*
9. Daniłowicz I. (1862) Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Tom II [Treasury of papal, imperial, royal and ducal diplomas; national resolutions and acts of various authorities for the critical elucidation of the history of Lithuania, Lithuanian Ruthenia and neighboring lands. Vol. II]. Wilno: W drukarni A.H. Kirkora. 370 s.
10. Lappo I.I. (1908) Grodskii sud v Velikom kniazhestve Litovskom v XVI stoletii [The Castle Court in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1908. N 1. S. 51–113.
11. Leontovich F.I. (1907–1909) Pravospodobnost' litovsko-russkoi shliakhty [Legal capacity of the Lithuanian–Ruthenian nobility] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1907. N 6. S. 192–264; 1908. N 3. S. 53–87; N 5. S. 136–167; N 6. S. 245–298; N 7. S. 1–56; N 8. S. 49–56; 1909. N 2. S. 225–269; N 3. S. 44–88.
12. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529): Užrašymų knyga 14 [Lithuanian Metrica. Book No. 14 (1524–1529): Record Book 14] / Parengė D. Antanavičius, L. Karalius. Vilnius: LII leidykla, 2008. 642 s.
13. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506): Užrašymų knyga 6 [Lithuanian Metrica. Book No. 6 (1494–1506): Record Book 6]. Vilnius: LII leidykla, 2007. 515 s.
14. Lietuvos metrika (1554–1568). 35-oji Teismų bylų knyga [Lithuanian Metrica (1554–1568). 35th Book of Court Cases] / S. Viskantaitė-Saviščenė, I. Valikonytė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018. 798 s.
15. Liubavskii M.K. (1915) Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii vklyuchitel'no: s prilozheniem teksta khartii, vydannykh Velikom kniazhestvu Litovskomu i ego oblastiam [An outline of the history of the Lithuanian–Ruthenian state up to and including the Union of Lublin: with charters issued to the Grand Duchy of Lithuania and its provinces]. Moskva: Moskovskaia khudozhestvennaia pechatnia. 401 s.
16. Maldzis A.I. (2009) Yak zhyli nashy prodki u XVIII stagoddzi: ese; Vosen' pasiarod viasny: apovests', satkanaya z histarychnykh materyialau i miasttsovykh padanniau [How our ancestors lived in the 18th century: essays; Autumn in the midst of spring: a tale woven from historical materials and local traditions]. Minsk: Mast. lit. 477 s.

17. Matsuk A.U. (2024) Piaviatovyia soimiki u Vialikim Kniastve Litouskim u chasy panavania Auhusta III (1736–1763 gg.) [County sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania during the reign of Augustus III (1736–1763)] // Vialikae Kniastva Litouskae: suchasnyia belaruskia dasledavanni / pad red. A. Grushy; Eŭrap. humanit. un-t. Vilnius, 2024. S. 141–174.
18. Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaga: Kniga 44: Kniga zapisau 44 (1559–1566) [Lithuanian Metrica: Book 44: Record Book 44 (1559–1566)] / Padrykht. A.I. Grusha. Minsk: Arty-Feks, 2001. 229 s.
19. Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaga. Kniga 42 (1556–1562 gg.): Kniga zapisau № 42 (kopia kantsa XVI st.) [Lithuanian Metrica. Book 42 (1556–1562): Record Book No. 42 (late-16th-century copy)] / Padrykht. V.S. Mianzhynski. Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. 190 s.
20. Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaga. Kniga № 272 (1576–1579): kniga sudovykh sprau № 58 (kopia kantsa XVI st.) [Lithuanian Metrica. Book No. 272 (1576–1579): Court Cases Book No. 58 (late-16th-century copy)]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. 436 s.
21. Statuty Vialikaha Kniastva Litouskaga 1529, 1566 i 1588 gg. [Statutes of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566 and 1588] // Vialikae kniastva Litouskae: entsyklapedyia. T. 3. Dadatak. A–Ia / redkal.: T.U. Bielova (gal. red.) [i insh.]. Minsk: BelEn, 2010. S. 436–689.
22. Ulashchik M.M. (2000) Memuary i dziunniki yak krynitsy historyi Belarusi: z rukapisnai spadchyny [Memoirs and diaries as sources on the history of Belarus: from the manuscript legacy]. Minsk. 86 s.
23. Rachuba A. (2020) Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, t. VIII, Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV–XVIII wiek [Officials of the Grand Duchy of Lithuania. Lists, vol. VIII, Brest Land and Brest Voivodeship, 14th–18th centuries]. Warszawa. 405 s.
24. Semkowicz W. (1915) W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego [On the origins of the nobility in Lithuania and its clan structure] [Electronic resource] // *Kwartalnik Historyczny*. 1915. T. XXIX, № 1/4. S. 224–256. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/gensem/semkowicz_w._w_sprawie_początków_szlachty_na_litwie_i_jej_ustroju_rodowego.html (accessed: 09.06.2025).

Об авторе

Красинский Иван Викторович – аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь), E-mail: iankrasinski@gmail.com

Krasinski Ivan Viktorovich – PhD student at the Department of the History of Belarus of Ancient Times and the Middle Ages, Faculty of History, Belarusian State University (Belarus), E-mail: iankrasinski@gmail.com